

УДК 821.512.141

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНАХ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773–1775 ГОДОВ (Г. ИБРАГИМОВ, Я. ХАММАТОВ, М. ГИЛЯЗЕВ)

Хасанов Р.Ф.

*Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»,
Бирск, e-mail: academy@birsk.ru*

В статье рассмотрены башкирские исторические романы о Крестьянском восстании 1773–1775 годов. Отмечая традиционализм авторов в создании общей картины события, в показе его движущих сил, причин, автор статьи пишет о новаторстве башкирских романистов в обрисовке руководителей восстания. При этом авторская концепция личности исторического деятеля выстраивается на том положении, что для башкир восстание было не столько классовый борьбой бедных против помещиков, феодалов, а борьба национально-освободительная, борьба за духовную, религиозную свободу. В статье также рассмотрены особенности создания образов, психологической характеристики героев, мотивная структура и т.п. В этом плане более подробно проанализированы романы «Салават-батыр» Я. Хамматова и «Камни Канзафара» М. Гилязева. В них продолжены традиции классического башкирского исторического романа послевоенного периода в плане эпического изображения событий и лиц определенной исторической эпохи, в создании образа героя времени.

Ключевые слова: исторический роман, историзм, концепция личности, образ, внутренний монолог, психологизм, мотив, субъективное повествование

THE CONCEPTION OF A PERSON IN THE NOVELS ABOUT THE PEASANT WAR OF 1773-1775 YEARS (IBRAGIMOV G., KHAMMATOV Y., GILYAZEV M.)

Khasanov R.F.

Birsky branch of BashSU, Birsk, e-mail: academy@birsk.ru

The article under consideration tells about some genre peculiarities of the historical and biographical novel. It is mentioned that it's artistic structure includes some features of the historical narration, scientific biography, and narrative documentation. In this work the questions of the fiction biography are analysed by the example of the novel «The Stones of the Kanzafar» by Gilyazev M. This work continues the traditions of classical bashkir historical novel of the post-war period, recreates the image of that time hero- the active member of the Pugachov revolt. The life and fate of the non-ordinary personality allowed the author to include in the narration more facts and describe the social and political atmosphere of the represented epoch. The novelist concentrates his attention on the personality of Kanzafar Usaev, whose image is created by the documents and the artistic fiction. The novel is marked by the psychologism and lyricism, and with the combination of chronicle elements with the imaginary plot.

Keywords: a historical and biographical novel, a historical method, an artistic fiction, an image, an inner monologue, indirect speech, psychology, motive, symbol, subject narration

В башкирской исторической романистике есть несколько произведений, обращенных к событиям и лицам конца XVIII столетия. Это романы «Кинзя» Гали Ибрагимова, «Салават-батыр» Яныбая Хамматова, «Камни Канзафара» Мансафа Гилязева, повести «Фельдмаршал Пугачёва» Гайсы Хусаинова, историко-документальное эссе «Сын Юлая Салават» Мираса Идельбаева. Интерес башкирских писателей к данной теме объясняется прежде всего тем, что башкиры в Крестьянской войне 1773–1775 годов приняли самое активное участие, представляли большую часть пугачёвского войска и оставались верными народному царю до конца. Как признают отечественные историки, «первое место среди нерусских народов, по количеству участников, масштабам выступлений, наконец, по роли в общей борьбе принадлежит башкирам» [6, 152]. О многом говорит и тот факт, что среди пугачёвских командиров более ста были башкирами, о чем пишет профессор Н.М. Кулбахтин [5].

При рассмотрении системы образов этих романов прежде всего обращает на себя внимание личности руководителей восстания, их авторская трактовка. Продолжая сложившуюся в отечественной литературе традицию в изображении и осмыслении данной темы, начатую еще с А.С. Пушкиным, башкирские авторы вместе с тем дополняют, углубляют ее собственным видением, выдвигают свою концепцию личности участников событий. При этом они исходят из того положения, что для башкир это была не столько классовая борьба бедных против богатых, сколько национально-освободительная, антиколониальная, борьба за духовную, религиозную свободу. Поэтому в ней участвовали все – люди простые и верхушка башкирского общества (феодалы, старшины, абызы, турэ, муллы). «Кинзя» Г. Ибрагимова [4] в литературоведческой науке рассмотрен довольно подробно (работы Р.Н. Баимова, Г.Б. Хусаинова, К.Д. Муртазина, Р. Шакура и др.).

Здесь же отметим, что он стал одним из первых произведений в башкирской литературе, в котором с эпической широтой изображены события Крестьянской войны, созданы образы многих её участников, среди которых на первом плане Кинзя Арсланов – главный полковник башкирских войск в стане Пугачёва. Автор детально рисует процесс духовного становления героя, начиная с учёбы в медресе и кончая его приходом в лагерь восставших крестьян, рассказывает о его учителях-наставниках. Логическим завершением процесса духовного формирования становится его приход к Пугачёву, хотя Кинзя знает, что народный царь на самом деле является самозванцем. Но он встает на сторону того, кто за народ.

Роман Я. Хамматова «Салават-батыр» [9] примечателен обилием фактического материала и действующих лиц. В нем в сжатом виде воспроизведены основные события, связанные с пугачевским восстанием, созданы образы Пугачёва и многих его сподвижников. В трактовке башкирского писателя Пугачёв – личность неординарная, наделенная талантом военачальника-организатора, способного на решительность, самоотверженность. Вместе с тем автор рисует картины, в которых читатель видит противоречивость его характера, непоследовательность действий, а в конечном итоге обреченность затеянного им дела. Пугачёв жесток по отношению к врагам, долго не раздумывая, приказывает казнить пленных, а его войско с молчаливого согласия предводителя творит бесчинства – грабит, убивает во взятых крепостях, селениях, городах. «Пугачёв видел, как беснуются додрвавшиеся до богатой добычи его люди, но не вмешивался, пускай, мол, отведут душу как следует» (220). Сам он тоже непрочь повеселиться, «отвести душу» на застольях, гуляньях. (141). Слабость его натуры подчеркнута тем, что он охоч до внешнего блеска, показной «высокости» своей личности. Вот каким предстает Пугачёв перед Канзафаром Усаевым, одним из его соратников: «Одетый в шелковый халат тот (Пугачёв), словно, турецкий паша, горделиво восседал на своем «троне», опустив на расстеленный перед ним богатый персидский ковер обутые в красные сапоги ноги» (200). Ряд других эпизодов и картин также играют на «снижение» образа народного царя. Вот как авторское воображение рисует картину бегства войск Пугачёва во главе с предводителем от преследования Михельсона: «Пугачёву не осталось ничего другого, кроме как присоединиться к общей массе. Он так спешил оторваться от преследования, что вскорее оставил всех позади...» (233).

И перед казнью в отличие от своего соратника Афанасия Перфильева он показан раскисшим, упавшим духом. Можно заключить, что автор романа недвусмысленно дает понять, что Пугачёв – самозванец, взваливший на себя неподъемный груз, замахнувшийся на сильную еще самодержавную власть и попавший в ее жернова.

Колоритно обрисован Салават Юлаев. Первая часть романа воссоздает его детство, юность, годы, проведенные рядом с родителями. Вторая часть изображает героя как умелого военачальника, пугачевского бригадира, организовавшего успешное сопротивление правительственным войскам на северо-востоке Башкирии, а заключительная – арест, наказание и каторгу.

Автор поэтизирует и героизирует личность Салавата. Он пишет стихи, поет песни, посвященные Уралу, родному народу, любимой, мечтает о счастливой мирной жизни в кругу семьи. Не по годам возмужалый, он становится предводителем большого отряда, представляет серьезную угрозу самодержавной власти. Известно, что в подавлении восстания, в аресте его участников, в том числе и Салавата, принимал участие и легендарный А.В. Суворов. Не умаляя заслуг легендарного русского полководца перед Россией, Я. Хамматов тем не менее пишет, что правда на стороне Салавата и его народа, что фельдмаршал – проводник колонизаторской политики царизма в башкирском крае. «В глазах многострадального башкирского народа Суворов был не прославленным полководцем, а одним из наиглавнейших карателей» (281). Так, прибегая к антитезе, писатель ярче выражает свою мысль, свое отношение к двум историческим личностям.

Мотивами трагизма и безысходности пронизаны последние страницы романа, повествующие о жизни Салавата и его товарищей на каторге в балтийской морской крепости Рогервик. Его терзают не столько физические страдания, сколько духовные муки. Он, словно степной орел с подбитым крылом, полон отчаяния и тоски по родине, по родным и близким. Трогательно описаны мытарства каторжников, занятых бессмысленной работой по перетаскиванию каменных глыб, тяготы и мучения героя и его отца Юлая.

В 2013 году увидело свет еще одно произведение на традиционную тему. Роман М. Гиляева «Камни Канзафара» [3] посвящен Канзафару Усаеву, одному из видных сподвижников Пугачева. Это первое художественное произведение о незаслуженно забытом герое, неутомимом борце с тиранией. В документальных источниках о нем

говорится в материалах следствия по делу Пугачева, также он проходит эпизодическим персонажем в романах Вяч. Шишкова «Емельян Пугачев» и С. Злобина «Салават Юлаев». Известно, что Канзафар Усаев в октябре 1773 года примкнул к восставшим и за короткое время пребывания в стане Пугачева удостоился чина полковника, а затем бригадира (генерала). Предводитель поручал ему самые ответственные задания, посылал на опасные участки. После поражения Канзафар Усаев был приговорен к вечной каторге и отправлен в эстонскую крепость Рогервик (ныне г. Палдиски). Он один из восьми сосланных туда участников восстания, проведший почти четверть века рядом с Салаватом Юлаевым и его отцом Юлаем Азналиным и умерший последним из них в 1804 году. Эти и другие факты биографии героя легли в основу сюжета романа.

Сверхзадачей автора явилось воссоздание физического и морального облика полузабытого исторического лица. При этом он опирается на имеющиеся документы, материалы следствия, воспоминания участников событий. В историко-биографическом романе важно умение автора отобрать те детали, эпизоды, события из жизни героя, которые наиболее полно характеризуют его время, условия, в которых он рос, формировался. Основные события романа происходят в период с осени 1773 по осень 1774 года. Это время активных действий Канзафара Усаева в войсках Пугачева. Вместе с тем писателю важно выявить истоки характера своего героя. Отсюда обращение к приему ретроспекции, к рассказу о его юности, о годах учебы в медресе Батырши, ставшим кумиром, духовным наставником Канзафара.

Масштаб личности главного героя позволяет автору включить в роман довольно большой фактический материал. Эскурсы в прошлое расширяют географические и временные рамки произведения, придавая ему черты историко-документального повествования и романа-хроники. При такой хронологической широте образ Канзафара является связующим звеном. Предпочтение отдается субъективному повествованию, при котором основные события и лица увидены героем, пропущены через его восприятие, отношение и оценку. Его глазами мы видим Емельяна Пугачева, Кинзю Арсланова, Салавата Юлаева, Юлая Азналина, Батыршу; осада, штурм, взятие крепостей, заводов также даны через его восприятие.

Композиционно роман организован таким образом, что повествование ведется от общего к частному, от характерного к единичному. В биографии главного ге-

роя выделяются два периода – жизнь до и после ареста. В первой части преобладает событийность, сюжетная динамика, «центробежность». Во второй – круг лиц и событий сужается, описательность сменяется изобразительностью, усиливается психологизм; хроникальность уступает место романному сюжету, пронизанному элегическими, лирическими, драматическими тонами, наполненному символическим смыслом. Здесь можно говорить о так называемом «центростремительном сюжете», развитие которого осуществляется во внутренних монологах героя в форме несобственно-прямой речи. Центральный персонаж представлен в одиночестве, погруженным в тягостные раздумья о причинах поражения восстания, о судьбе своей семьи; в голосе автора и героя звучат мотивы скорби, трагического осознания несбывшихся надежд.

Обстоятельства жизни Канзафара и его соратников на каторге во многом воссозданы воображением автора. Он проникновенно рисует внутренний мир человека, навсегда оторванного от родины, от семьи, лишённого самого дорогого – свободы, обречённого на вечное прозябание, на каторжный, бессмысленный труд. Автор не нарушает логики характера своего героя, который и в таких условиях не теряет бодрости духа, служит опорой для других каторжан, живет верой в торжество справедливости в будущем. Оставленные им на берегу моря камни с надписями «Канзафар» и «Салават» – это своего рода памятник героям, след их пребывания на земле.

В композиции романа в целом и в характеристике образов в частности заметную роль играют мотивы дома и дороги, которые имеют одновременно и прямое, и условно-символическое значение. Вся жизнь героя – это дорога, он вечно в пути. Уже в начале романа Канзафар отправляется на встречу с «народным царем» и в дальнейшем находится в постоянном движении. Это поездки по деревням, селениям, городам, заводам для сбора войск и распространения воззваний Пугачева, это наступления, осады, отступления, побег из плена...

Образы дома и дороги в романе становятся символами двух разных способов жить, двух типов отношения к жизни: дом – уют, очаг, тепло, покой, родные, и дорога – расставание, тоска, печаль, ностальгия, чужбина, война. Поистине герой не знает покоя. «Отрицание дома в качестве постоянного места обитания, уход из дома знаменует поиск новых духовных горизонтов» [1; 8]. На просьбы жены Сурии остаться дома, побыть подольше с сыновьями он

отвечает, что это возможно только в будущем. Поневоле закрадывается сомнение – а был ли реальный Канзафар Усаев таким неудержимым, неустанным и аскетичным? Ведь он был уважаемым муллой, образованным человеком, хорошо знающим Коран, русский язык, мог жить безбедно, в достатке и почитании. Но выбрал иную стезю – дорогу в бессмертие. Здесь мотив дороги обретает метафизический смысл, воспринимается как испытания на его жизненном пути. По мысли М.М. Бахтина, «на дороге своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются» [2, с. 504]. Дорога, выпавшая на долю Канзафара, трудная, тернистая, требующая преодоления, борьбы, но именно на ней он формируется как человек, как характер, реализует себя как личность. Преодолевая непростые обстоятельства, делая выбор, принимая решения, временами ошибаясь, колеблясь, герой непреклонно идет к цели.

В трактовке мотивов дома и дороги М. Гилязев продолжает типологическую линию башкирского исторического романа. В романах «Северные амуры» Я. Хамматова, «Кинзя» Г. Ибрагимова, «Там лежат останки батыра» Н. Мусина, «Карасакал» Б. Рафикова и других говорится, что уделом башкирских джигитов были военные походы, жизнь вдали от родных мест, участие в сражениях в составе русской армии. Герой романа «Камни Канзафара» тоже спешит в путь, чтобы поскорее вернуться, вступает в борьбу, чтобы были мир и справедливость на земле. После ареста на последнем свидании с женой он говорит ей, что не ошибся в выбранном пути, что это веление самого аллаха и что борьба за справедливость и свободу – дело святое. Осознание этого дает ему силы и стойкость во время следствия, допросов и пыток. На вопросы судей Канзафар отвечает прямо и открыто, так как не считает себя преступником. «Борьба за счастье и свободу человека – разве это преступно?» – вопрошает он.

Отвечая на прозвучавший ранее вопрос, можно сказать, что и в реальной жизни Канзафар Усаев мог быть таким, каким представлен в романе. Заслуга автора в том, что он вернул из забвения одного из стойких борцов за народное счастье. Еще А.С. Пушкин, автор «Бориса Годунова», «Арапа Петра Великого» «Истории Пугачева», «Капитанской дочки» и других исторических повествований, выдвинул тезис: «История народа принадлежит поэту». Это отнюдь не означает субъективную поэтизацию исто-

рии посредством вымысла, речь идет о художественном осмыслении и исследовании событий и лиц прошлого, об историзме художественного мышления писателя, «об открытии с помощью литературно-художественных средств глубинных токов истории, тех тайных пружин, которые иногда скрыты от глаз рассудительных историков» [8, с. 90].

В этой связи можно вести речь об историзме анализируемого романа. Он заключается в изображении человека в неразрывной связи с общественной средой, в процессе его развития, в зависимости от объективных, конкретно-исторических условий жизни. Автор показывает, что достоинства и ограниченность его героев, особенности их характеров, их духовная и материальная жизнь вырастают на исторической почве, в зависимости от обстоятельств изображаемой эпохи. Пугачев, Канзафар, Салават, Кинзя – это герои своего времени, их яркая, героическая жизнь, драматические судьбы обусловлены историческими факторами. В мирную жизнь сельского муллы вихрем вторгается огонь вооруженной борьбы, ломая устоявшийся порядок вещей, нарушая семейный уклад, приводя к вечной разлуке, трагедии. Обстоятельства, в которых оказываются герои, становятся для них роковыми.

А как обрисован человек, который стоит у истоков этих событий, который привел в движение огромные массы людей? В целом, продолжая классические традиции, М. Гилязев вместе с тем вносит свои штрихи в исторический портрет Пугачева. Писатель не обходит вниманием пушкинский принцип изображения и трактовки данного исторического лица. В романе башкирского писателя Емельян Пугачев также показан и в ореоле величия и славы, и в ситуациях трагической безысходности и бессилия. Образ вождя крестьянской войны раскрыт во всей сложности и противоречивости его личности, совмещающей в себе качества неординарного человека, руководителя масс с чертами бывалого казака, немало повидавшего на свете. Связь с пушкинским героем ощутима в такой детали его портрета, как живые, всегда «сверкающие глаза». На страницах анализируемой книги Пугачев предстает через восприятие главного героя. Канзафар встречается с ним несколько раз. Если в первый раз перед ним бодрый, самоуверенный и крепкий человек, то при дальнейших встречах и беседах он неловко замечает, что Пугачев слабеет духовно и физически, теряет самообладание, словно превращаясь в загнанного зверя. Канзафар обращает внимание и на то, что «народный царь» стремится перенять внешние

атрибуты самодержавной власти – трон, посох, пышное одеяние, замечает, что ему не чужды тщеславие, тяга к роскоши, к застолям, к женщинам. Отдельные детали-символы показывают настороженное отношение к нему окружающих. Во время одной из встреч Пугачев через Канзафара дарит его жене платок. Сурия, принимая подарок, внутренне противится этому, воспринимает его как недобрый знак; ее сердце чуется тревогу, приближение чего-то катастрофического. Скоро действительно грянули драматические события – арест Канзафара и его семьи, поимка Пугачева и многих его соратников, клеймение, каторга...

Через образы Пугачева и его сподвижников показаны стихийность и обреченность восстания, его политическая незрелость, слабость движения. В романе не говорится ни об одном крупном сражении, выигранном восставшими. Герой романа с его аналитическим умом, наблюдательностью осознает тщетность усилий предводителя, понимает, что необученные, плохо вооруженные отряды восставших не способны устоять против правительственных войск с их ружьями и пушками, организованностью, воинской дисциплиной, опытными командирами. Диалог Канзафара в конце романа с самым близким ему человеком, женой – это исповедь героя, осознавшего весь трагизм ситуации, но не отрешившегося от избранного пути. В изображении автора он предстает как человек, устремленный к личностно значимым ценностям жизни – свободе, справедливости, равенству, добру. В этой связи уместно привести слова известного психолога В.Н. Мясищева: «Подлинно человеческие цели – это ценности, ради которых лучшие люди жертвовали жизнью, в борьбе за достижение которых они черпали источники «сверхчеловеческой воли», стойкости, выносливости, мужества и терпения» [7, с. 121]. Таков Канзафар у М. Гиляева.

Список литературы

1. Абдуллина А.Ш. Архетип дома в прозе А. Генатулина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 12. – С. 5–9.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – 504 с.
3. Гиляев М. Камни Канзафара // Агидель. – 2013. – № 5, 6.
4. Ибрагимов Г. Кинзя. – Уфа, 1982. – 570 с.
5. Кулбахтин Н.М. Башкирские вожди в Крестьянской войне 1773–1775 г. – Уфа, 2004. – 194 с.
6. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачёв и пугачёвцы. – Л., 1974. – 152 с.
7. Мясищев В.Н. Психология отношений. – Воронеж, 1995. – 259 с.
8. Томашевский Б.В. Пушкин. Кн.2 – М-Л., 1961. – 501 с.
9. Хамматов Я.Х. Салават-батыр. – Уфа: Китап, 2004. – 296 с. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы).

References

1. Abdullina A.Sh. Arhetip Doma v Proze A. Genatulina // Vestnik of Chelyabinsk State University. 2008. no. 12. pp. 5–9.
2. Bahtin M.M. Questions of Literature and aesthetics. M., 1975. 504 p.
3. Gilyaev M. Kamni Kanzafara // Agidel. 2013. no. 5, 6.
4. Ibragimov G. Kinzya. Ufa, 1982. 570 p.
5. Kulbahtin N.M. Bahkir Leaders in The Peasant War 1773–1775 years, Ufa, 2004. 194 p.
6. Limonov U.A., Mavrodin V.V., Paneyah V.M. Pugachov and Pugachovtsi. L., 1974. 152 p.
7. Myasishchev V.N. The Psychology of Relations. Voronezh, 1995. 259 p.
8. Tomashevskiy B.V. Pushkin. Book 2. M-L., 1961. 501 p.
9. Khammatov Ya.Kh. Salavat-Batyr. Ufa: Kitap, 2004. 296 p. (Later on the references on this publication are given in the text with the noted pages).

Рецензенты:

Абдуллина А.Ш., д.фил.н., профессор кафедры русского языка, литературы, Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск;

Петишева В.А., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русской филологии, Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.

Работа поступила в редакцию 15.05.2014.